

Орлов Игорь Борисович, д.и.н., проф. (НИУ-ВШЭ, Москва)

Россия как имперский проект¹

В современной западной и отчасти отечественной историографии сложилось представление о неполноценности России в сравнении с Западом, подразумевающее отрицание цивилизованности вообще или, по крайней мере, периферийный / полупериферийный / промежуточный ее характер.² Может, стоит прислушаться к словам Н.А. Бердяева о том, что не стоит русскую самобытность смешивать с русской отсталостью.³ Вряд ли проясняют цивилизационное своеобразие нашей страны и ярлыки типа «империя зла».

Критики России обходят стороной то, что в зарубежной культурологической литературе Россия, наряду с Японией, выделяется в особую, не укладывающуюся в общую схему цивилизацию.⁴ Если отказаться от западнцентрического взгляда на Россию, придется признать, что в своей истории она добилась многого: сохранила национальную независимость, освоила огромную территорию и создала разветвленные структуры цивилизации и государственности. Достигнутое в жестокой борьбе политическое и военное доминирование в Северной Евразии позволило России сыграть решающую роль в битвах за мировое господство, развернувшихся в XIX-XX вв. К числу российских достижений можно отнести успешную интеграцию других народов и формирование влиятельной

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. Россия как имперский проект // Сборник докладов и научных трудов Межвузовской научно-практической конференции «Российская государственность: история и современность» 18 декабря 2012 г. М.: НОУ ВПО «МИГКУ», 2013. С. 88-98.*

² Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 266-296,322; Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 3,38-39.

³ Бердяев Н. Судьба России // Родина. 1989. № 2. С. 65.

⁴ Bagby Ph. Culture and History. Prolegomena to the Comparative Study of Civilization. Westport, 1976. P. 174-175.

национальной культуры. До середины XX ст. удавалось поддерживать и высокую демографическую динамику.⁵

Кроме того, в неотрадиционной теории цивилизационной особенностью России признается сочетание «традиционности» (культурные ценности и социальная интеграция) и «современности» (ориентация экономического и технологического развития на мировые стандарты).⁶ Автор полагает, что подобное (на первый взгляд, странное) сочетание цивилизационных кодов вполне уживалось в рамках российской державно-имперской модели. В отечественной истории и традиции империя и державность оказались неразделимыми. Ведь и в Российской империи, и в советской державе на первом месте был имперский уровень идентичности. Именно этим объясняется апелляция к бывшему имперскому величию в державно-почвеннических проектах 2000-х гг., особенно в неоевразийстве⁷ и конструкте «СССР-2». В рамках этих проектов Россия позиционируется как сильная военная держава, обладающая эффективной и конкурентоспособной экономикой, культурным и духовным превосходством, и обеспечивающая высокий статус гражданина державы. Но в целом, к сожалению, идеология державности примитивизирована до концепта сильного государства, сводимого к бюрократической мобилизации. Отсюда логично вытекает вполне имперская «особая миссия» мировой сверхдержавы. Заметим, что концепция «суверенной демократии», в середине 2000-х гг. взятая на вооружение «Единой Россией», также представляет собой смешение либерально-демократических, глобалистских и державных ценностей.

⁵ Подробнее по этому вопросу см.: Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 8-10.

⁶ Эксперт. 2006. № 7. 20 февраля.

⁷ Вспомним, что еще в 1920-е гг. евразийцы (Г.В. Флоровский, Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин и Г.П. Федотов) выводили «родословную» России от империи Чингисхана.

И еще один момент: имперская ориентация нередко объявляется некой «архетипической» русской (шире российской) ценностью.⁸ С другой стороны, по данным социологических опросов, сегодня имперская идея исчерпала себя, сохраняя относительную популярность только у старшего поколения, которое вряд ли можно рассматривать в качестве сил имперского реванша. Так ли это?

Думается, что все далеко не так однозначно. В современной России, где на первый план в иерархии ценностей выходят единство России и безопасность государства, знаковой стала идеологически нейтральная (не в пример И.В. Сталину) фигура Петра I, остающегося в сознании россиян самым популярным персонажем российской истории. Именно с ним значительная часть российских граждан связывает становление великой державы, облаченной в имперские одежды. Если быть более точным, то речь, скорее, идет о том, что империя для российской государственности не сводима к форме, она больше, нежели форма.

Идея государственности на протяжении всей истории нашей страны выступала доминантной формой социальной интеграции, задавая единый для российского общества нормативно-ценностный порядок как символической основы культурно-национального единства. В целом современные политические и общественные движения демонстрируют широкую палитру идеологических и государственных предпочтений (см. таблицу № 1).

Таблица № 1

Национально-государственные проекты 1990-2000-х гг.

Носители идеологии	Основная идея
Националисты	Россия - государство русского народа
Державники	Россия - сильная военная держава

⁸ Клямкин И., Кутковец Т. Кому в России нужна империя? // Сегодня. 1996. 1 февраля.

«Интернационалисты»	Россия - многонациональное государство равноправных народов
«Реставраторы»	Россия – социалистическое государство
«Объединители»	Россия - государство, объединяющее на добровольных началах союз бывших советских республик
«Империалисты»	Россия - империя в границах бывшего СССР
Западники	Россия - государство с рыночной экономикой, демократическими свободами и соблюдением прав человека
Православные христиане	Россия - православная страна

Современное интеллектуальное сообщество предлагает разные системы «интеграционных координат»: русский круг, славянская общность, православная вера, евразийское наследие и имперская традиция.⁹ Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в качестве объединительных идей, способных связать разные идеологические ориентации, чаще всего выдвигаются идеи воссоздания СССР, империи или строительства православного государства.

Для российской (как, впрочем, и советской) империи характерен общий набор системных признаков империи, включая: сакральный характер власти,¹⁰ осуществляемой обычно без посреднических органов и учреждений; экспансия; наличие центра и периферии; политэтничность при наличии доминирующего этноса; общая идеология; претензии на мировое значение и даже господство. При этом континентальный тип имперского пространства способствовал превращению присоединяемых земель в провинции, на территории которых обеспечивалось действие имперских законов и

⁹ Цивилизационные активы и цивилизационные рамки национальной российской политики. Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2008. С. 7.

¹⁰ Введенная при Иване Грозном практика титулования царя в качестве Бога была запрещена только Николаем I.

обращение имперской валюты. Еще одной важной чертой российского имперостроительства стало относительно безболезненное включение в этот процесс народов и отсутствие политики геноцида в отношении местного населения. Говоря о Российской империи, следует заметить, что мы имеем дело с феноменом «внутренней колонизации». И, наконец, евразийский характер империи, помимо защиты границ, определялся наличием не только имперской бюрократии, но и *специфической имперской идеи*.

Российский имперский проект своими корнями глубоко уходит в православную византийскую традицию. Со времен Ивана III, соединившего двуглавого византийского орла с московским гербом, русский народ создавал империю, поддержание и защита которой занимали исключительное место в российской истории. Дело в том, что до Ивана III Россия не испытывала потребности в активных контактах с Западом, но затем она стала жертвой агрессии последнего и вынуждена была отвечать на внешний «вызов»: сначала военный, а потом технологический. Удержать целостность такой огромной империи можно было только с помощью деспотической власти и сильного централизованного государства. Однако из Восточной Римской империи массовым сознанием был воспринят и своеобразный космополитизм - наднациональный характер, как политической власти, так и государственности в целом.¹¹

До Петра I империя в России понималась, скорее, как «икона царства Божьего». Однако важной составной частью имперской идеи была концепция «переноса» римского наследства, впервые озвученная в XIV ст. царем Сербии Стефаном Душаном и болгарским государем Иоанном-Александром. В 1480 г. ростовский архиепископ Вассиан по прозвищу Рыло в «Послании на Угру» фактически поставил перед московским правителем новую государственно-политическую цель - стать духовно-политическим

¹¹ Тихомиров Л. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 94.

наследником византийских императоров.¹² Попыткой обосновать особую религиозно-политическую роль страны («Русь – Третий Рим») стали предисловие митрополита Зосимы к книге «Изложение Пасхалии» (1492 г.) и подготовленный в 1512 г. старцами Волоколамского монастыря «Русский хронограф».

Именно на это («Москва – Третий Рим») сделал упор старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей в своих посланиях Василию III 1523-1524 годов. Перед старцем стояла задача объяснения с помощью своей концепции падения православного Константинополя в 1453 г. и сохранение католическим Римом своего видимого благополучия. Для этого он объявил «истинным Римом» московскую Русь как единственно независимое и безупречное христианское государство: «все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать».¹³

При этом смысл этой концепции можно понимать двояко. Во-первых, как политическое обоснование преемственности имперской власти от Рима к новому Риму - Константинополю - и далее к Москве, сформулированное на типичном для московской публицистики языке богословия. А во-вторых, как отсутствие у послания политического значения в силу того, что в нем присутствует не императорский, а папский Рим. Тем не менее, очевидно, что идея «длящегося Рима», объединенная с идеей богоизбранности Руси и мессианством, связывала второе пришествие Христа с существованием московской православной империи.¹⁴ Ведь, начиная со времен Ивана III, российское государство осознавалось и народом, и элитой как православная

¹² См.: Слово: Православный образовательный портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35624.php>

¹³ См.: Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5105>

¹⁴ Вязовик Т.П. Особенности консолидирующей идеи в России // // Национальная идентичность России и демографический кризис / Материалы Всероссийской научной конференции (20-21 октября 2006 г.). М., 2007. С. 638.

держава. Российская самодержавность основывалась на теократическом принципе единения религиозной и государственно-политической власти. Не случайно митрополит Киприан считал Церковь государством в государстве, требующем исключительного отношения к себе как к носительнице святости.

Однако светские власти рассматривали «священство», как совокупность клира во главе с патриархом, призванное нести духовно-пастырское служение. Тогда как «царство», как государственный организм, должно было осуществлять социально-политическое служение русскому народу, который по-своему воспринял идеологию «Третьего Рима». Для него же носителем этой идеи было не столько Российское государство, сколько он сам («Россия там, где русские»). Этот перенос понятий на практике обеспечивал силу русской экспансии. То есть доктрина «третьего Рима», сформулированная в качестве базовой идеи Московского государства, объясняла необходимость расширения собственного культурного и конфессионального пространства.¹⁵ В силу этого завоевание чужих земель представлялось «как санкционированный свыше и, следовательно, вполне закономерный с точки зрения «божественного права» акт».¹⁶ Вспомним, что Н. Ульянов имперский мотив «Москвы — третьего Рима» связывал с «восточным вопросом» и развитием русского империализма в эпоху Александра II.¹⁷

Сегодня у историков существуют серьезные сомнения относительно концепта «Москва – третий Рим», так как ни один государственный документ не подтверждает его какой-либо официальный статус. Характерно, что в

¹⁵ Очирова Т.Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры. Вып. I. М., 1994. С. 145.

¹⁶ Ерофеева И.В. Русская имперская идея в истории // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. С. 272.

¹⁷ Подробнее по этому вопросу см.: Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 152-162.

борьбу за византийское наследие Московская Русь так и не вступила.¹⁸ Данная доктрина до патриарха Иова не использовалась в официальных документах из-за своей тенденции к возвышению церковной власти в государстве, на что не могла согласиться светская власть. Стоит прислушаться и к мнению А.И. Неклессы, что формула «Третьего Рима» была своего рода опровержением византийского наследия: русское царство мыслилось новой общностью, местом сосредоточения «остатка», центром притяжения «верных».¹⁹ Московские цари перенесли на русскую почву византийскую идеологию государственной власти, где могущество православия выражалось через государственное могущество. Сюда можно добавить и постепенное смещение акцентов от идеи византийской православной преемственности к римскому имперскому наследству.

Например, в большей степени с римской, нежели с византийской, традицией соотносило историю страны «Сказание о князьях Владимирских» (1527 г.).

В 1550-е гг. появляется «Повесть о Белом Клобуке» как символу III-го Рима. Свое юридическое закрепление идея «переноса империи» получила через утверждение в 1561 г. царского титула Ивана Грозного константинопольским патриархом Иосафом. Москва при Иване IV по существу взяла на себя роль восстановителя золотоордынской империи, пусть и на новых основаниях. В отечественных исторических памятниках русское патриаршество прямо оценивалось, как пришедшие на смену патриаршеству «древнего Рима». Апология идеи «имперского переноса» содержится и в «Кормчей» патриарха Никона, где впервые появляется «Повесть о белом клобуке» и статья «о римском отпадении».

¹⁸ Подробнее по этому вопросу см.: Багдасарян В.Э. Идеократия против вождизма // Российское государство в системе религиозных и светских ценностей. Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2008. С. 78-81.

¹⁹ Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская цивилизация. Материалы научного семинара. Вып. 4. М., 2007. С. 106.

Ценностный поворот со всей очевидностью проявился в «Правде воли монаршей» Феофана Прокоповича (1722 г.). То есть имперская идея стала достоянием умов еще до Петра I. После победы иосифлян над нестяжателями, идеал «Москвы - Третьего Рима» как Святой Руси, был фактически подменен иосифлянским идеалом священного царства, которое должно силой насаждаться внутри страны и распространяться вовне. Другое дело, что проект петровский «Великой России» стал окончательным отказом от идеала «Святой Руси». Начиная с Петра I, доминантным ориентиром и моделью ценностной шкалы стала ось «Запад-Восток». Создание сильной и постоянно расширяющейся империи по образцу империй Западной Европы сопровождалось формулировкой «правды империи», под которой понималось все, что идет на пользу государства, увеличивает его могущество и повышает жизнеспособность.²⁰ В этой «формуле» византийская традиция отходит на второй план. Не случайно, именно в это время из-под пера Ивана Пересветова появляется «Сказание о Магмет-Салтане», где образцом имперского строительства выступает мусульманская Османская империя.

Другими словами, на всем протяжении российской истории мы видим борьбу двух имперских идеологий (царство или священство) и попытки выстроить два измерения имперского пространства (евразийское и всемирное).²¹ Легитимация российской власти изначально носила двойственный характер и проявлялась, с одной стороны, в рамках византийской традиции, согласно которой сакрализуется не только император, но и сама политическая система, с другой - как легитимация власти царя в контексте западноевропейской секуляризованной парадигмы, когда власть императора обретает законность в силу того, что он является источником законности. При этом, начиная с Петра I, линия раскола все

²⁰ Бобылева Е.Ю. Правда российского государственности: нормативно-ценностный аспект // Аналитика культурологии. Электронное научное издание. URL: <http://www.analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=304>

²¹ Впрочем, идея «Третьего Рима» не является ни чисто российским достоянием. К примеру, объединение Италии Дж. Мадзини шло под лозунгом «Третьего Рима». В XX ст. отголоски этого мы видим в идеологии и практике III Интернационала и III Рейха.

больше проходила между народом и политической элитой империи. Показательно, что в годы Первой мировой войны русские крестьяне в массе своей сохраняли средневековое по сути восприятие войны как крестового похода «за землю и веру». Тогда как рациональные имперские интересы России не укладывались в «матрицу» крестьянского сознания («не нужен нам берег турецкий»).

После большевистской революции не произошло немедленной трансформации политических ценностей. Более того, в сталинский период некоторые наиболее авторитетные элементы имперской политической культуры России усилились. В частности, формирование советского патриотизма во второй половине 1930-х гг. проходило под лозунгом «вобрать в себя лучшие традиции русской истории». Возвращение к государственно-патриотическим устоям в какой-то мере способствовало консолидации общественного мнения в стране и примирению с режимом. А представления о «справедливых и несправедливых войнах» рационализировали агрессию, объяснив ее внешнеполитическую направленность претворением мессианских задач первого в мире «пролетарского» государства.

Практика «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» привела к смене ориентиров от космополитического мессианства мировой революции к имперскому конструированию и возрождению российской державности. После Великой Отечественной войны шло постепенное (но очевидное) смещение приоритетов во властной иерархии по линии партия - государство в пользу последнего. Можно отметить и изменения в официальной доктрине патриотизма, что выражалось, прежде всего, в выдвигании идеи особой – мессианской и собирательной - роли русского народа. Основой послевоенного политического курса стала концепция державности, тесно связанная с имперскими задачами. В новый политический курс органично вписывались: переход от конфронтации к сотрудничеству с Русской православной церковью и мессианские чаяния об

освобождении Константинополя, планы аннексии азербайджанских земель у Ирана, армянских и грузинских у Турции и проект присоединения к СССР Маньчжурской области, идея Балканской Федерации и требование передачи под контроль Москвы Ливии.

«Империя наоборот» (или «империя позитивных действий», по определению американского историка Т. Мартина) даже реанимировала в начале 1950-х гг. давно забытый «греческий проект». И.В. Сталин в 1945 г. организовал за государственный счет пышное проведение церковного собора с участием греческой иерархии, а на 1948 г. планировал проведение всеправославного собора с целью перемещения московского патриарха с пятого места на первое в православной иерархии. Это давало каноническое обоснование идеи «Третьего Рима» и фактическое объединение под эгидой СССР всего «поствизантийского» мира.²²

С распадом СССР место имперской идеи на какое-то время заняла межнациональная ненависть, подогреваемая амбициями «суверенных» политических элит. Но вошедшая в кровь и плоть россиян державно-имперская риторика не исчезла, несмотря на увлечение либеральными идеями в 1990-е гг. Более того, она даже усилилась. Сегодня имперская идея все больше апеллирует к идее культурного влияния и стратегической общности геополитических интересов народов, проживающих на территории бывшего СССР. В частности, поиски путей консолидации видятся в проекте национально-демократического государства, сочетающего в себе черты традиционной православной империи и современного национального государства, которые почерпнуты не только из опыта Запада, но и из

²² Полосин В. Фундаментальная политология. Часть 2. Политическая мифология коммунизма // Россия – XXI. 1995. № 7-8. С. 105.

собственной истории (включая советский период).²³ Возможно, что слухи о смерти имперской идеи в России сильно преувеличены.

²³ Савельев А.Н. Ценностные системы и пространство политических предпочтений // Золотой лев. Издание русской консервативной мысли. URL: <http://www.zlev.ru/cont42.htm>